

Судья Чжан, провожая взглядом фигуру Хань Ци, растворявшуюся в ночной мгле, пробормотал себе под нос:

— Словно где-то я его уже видел.

В дворцовых коридорах царил тишина. Стражники застыли, словно изваяния, будто вросли в дворцовые стены. Хань Ци ранил руку, которой держал меч, и при каждом движении лезвие задевало рукоять, причиняя острую боль. Он шел невозмутимо, но шаг его становился всё шире.

Он вернулся. Он наконец вернулся!

Миновав длинный коридор, Хань Ци остановился в безлюдном месте. Приложив ладонь к ледяной стене, он почувствовал, как в груди закипают эмоции.

В те времена, когда Хань Ци был принцем, он жил в павильоне Бохай — невзрачном месте среди множества дворцовых построек. Его родная мать, наложница Шэнь, скончалась, когда ему не исполнилось и трех месяцев. Его судьба была до боли похожа на путь Цзун Яня, однако их жизненные обстоятельства сложились совершенно иначе.

До двенадцати лет он был никому не известным принцем. Пусть у него не было шансов на престол, он жил спокойно и счастливо. Но в двенадцать лет его, заклейменного проклятием матери-убийцы, отправили в ссылку. На почтовой станции на него напали, он получил стрелу в грудь, чуть не лишился ног в огне, а после, попав на поле боя, прошел через бесчисленные кровавые бури.

Хань Ци с силой ударил по стене. Кожа на руке лопнула, и только что запекшаяся кровь снова проступила наружу. Но эта боль казалась ему сущим пустяком.

Линь Лэтянь... Я заставлю тебя расплатиться за все мои страдания в стократном, в тысячекратном размере!

Лэтянь всю ночь не мог сомкнуть глаз — во сне ему чудилось, будто он раздавил клубнику. Проснувшись, он в ужасе воскликнул:

— Система, я что, парализован?

Ниже пояса он не чувствовал ничего — лишь онемение и скованность.

Система отозвалась:

— Ну как, приятно терзать тело и душу?

— У-у-у... Я был неправ... — всхлипнул Лэтянь.

Система хмыкнула:

— Не парализован ты. Я наложила мазь, лекарство должно успокоить боль.

Лэтянь облегченно выдохнул:

— Судья Чжан достоин звания главы Императорской академии медицины. Нужно его наградить.

Легко на помине — судья Чжан как раз спешил к нему с маленьким ящичком для лекарств. Ступая на цыпочках, он вошел во внутренние покои, озираясь по сторонам в поисках пациента.

Хань Ци, вернувшийся во дворец под покровом ночи, увидел, что судья Чжан топчется у входа, и тихо кашлянул.

Судья обернулся и прошептал:

— Господин.

Хань Ци кивнул и вошел в покои. Он собирался спокойно поднять Линь Лэтяня, но тот уже открыл глаза. Его взгляд был устремлен в потолок, черные зрачки казались тусклыми и безжизненными, словно он всё еще пребывал в полусне.

— Девятитысячелетний.

Лэтянь повернул голову:

— Чего тебе?

— Пора менять повязку, — тихо сказал Хань Ци.

Лэтянь с трудом высунул руку из-под одеяла и вlepил Хань Ци пощечину. У него не было сил, удар вышел бесшумным, слабее кошачьего прикосновения. Хань Ци даже не шелохнулся и молча подхватил Лэтяня на руки.

Во время смены повязки чувствительность в пояснице вернулась, и Лэтяня пронзила невыносимая боль. Он вцепился в руку Хань Ци и впился в нее зубами, мысленно жалуясь Системе:

— Не хочу я больше терзать Хань Ци, это же чертовски больно!

Система съязвила:

— Ой, а у слона разве не толстая кожа?

— И-и-и... — только и мог выдавить Лэтянь.

После всех мучений Лэтянь почувствовал, что снова отнялся, и приказал Хань Ци отнести его в личные покои, чтобы Цзун Янь, проснувшись, не увидел его в таком состоянии и не поднял шума. Затем он позвал Чжу Чучу и наставил ее, что нужно говорить.

Чжу Чучу, заливаясь слезами, слушала его, кусая губы:

— Господин, позвольте мне вернуться и прислуживать вам.

— Не нужно. Лучше как следует прислуживай Его Величеству, — холодно ответил Лэтянь и похлопал Хань Ци по плечу, давая знак выдвигаться.

Вернувшись в свое логово, Лэтянь наконец перевел дух. Случайно он заметил, что рука Хань Ци, которой тот держал его, вся изранена зубами.

Лэтянь, лежа в постели, спросил:

— Больно?

Хань Ци покачал головой:

— Нет.

— Наклонись, — лениво бросил Лэтянь.

Хань Ци подчинился, но тут же получил еще одну затрещину. Он стиснул зубы, сдерживая гнев, и опустил голову, чтобы Лэтянь не увидел, как сильно его задело это унижение.

— Подчиненный виноват, — процедил Хань Ци.

Долгое время в комнате стояла тишина, а затем сверху донеслось равнодушное:

— Сходи в Императорскую академию, перевяжись. Вид твоих ран оскорбляет мой взор.

Сердце Хань Ци дрогнуло, но он тут же подавил эмоции:

— Слушаюсь.

В академии судьи Чжана не оказалось. Дежурный лекарь, перевязывая рану, удивленно спросил:

— Господин, это что за зверь вас так укусил?

Хань Ци небрежно ответил:

— Дикая собака.

Несмотря на болезнь, дела не ждали. Маленький евнух стоял у кушетки и вполголоса читал донесения. Линь Лэтянь, полулежа с закрытыми глазами, кивал, если был согласен — тогда евнух ставил киноварью отметку, а если нет — откладывал бумаги в сторону.

— Генерал-губернатор Лянгуана Ху Цидао подал прошение. Нынешней весной из-за проливных дождей вышли из берегов озера, затопив земли на сотни ли, разрушив тысячи домов. Он умоляет двор проявить милосердие и освободить Лянгуан от налогов на три года, чтобы поддержать народ.

Хань Ци, вернувшийся после перевязки, услышал чтение и молча встал в стороне, снова и снова прокручивая в голове мысли о том, как евнухи губят страну.

— Ха, — Линь Лэтянь, до этого молчавший, холодно усмехнулся: — Этот пес Ху Цидао не только бездарен, но и обворовывает казну, скрывая истинное положение дел. Передайте в Дунчан: немедленно отправить людей в Лянгуан и принести мне голову Ху Цидао.

— Слушаюсь.

Евнух собрал бумаги и засеменил прочь, кивнув Хань Ци. Тот не ответил, лихорадочно обдумывая, как спасти Ху Цидао.

Лэтянь открыл глаза и посмотрел на Хань Ци:

— Ты что, дерево? А ну, иди сюда.

Мускулы на лице Хань Ци дернулись, он подавил гнев и подошел:

— Какие будут указания, Девятитысячелетний?

— Дай руку, гляну.

На ране была толстая повязка, потемневшая от времени, но крови не было видно. Лэтянь не мог понять, насколько серьезно он его ранил, и равнодушно спросил:

— Еще болит?

— Нет.

— Когда Его Величество проснется, будешь сопровождать его на уроках словесности, а после обеда обучишь боевым искусствам.

— Слушаюсь.

Лэтянь окинул Хань Ци взглядом: лицо с четкими чертами и вправду было красивым, а вот рука — чернее ночи.

— Хань Ци, в этот раз я дарю тебе жизнь. Ты должен знать, как отплатить за это.

— Подчиненный понимает. Благодарю Девятитысячелетнего за великодушие.

Вернулся евнух:

— Господин, Его Величество проснулись.

— Иди, — Лэтянь бросил взгляд на Хань Ци, и тот облегченно выдохнул — он наконец мог уйти.

Цзун Янь проснулся и, не увидев Линь Лэтяня, как обычно, устроил истерику. Чжу Чучу, согласно инструкции, сказала, что Лэтяню продуло голову и он ушел отдыхать. Цзун Янь, с распущенными волосами и в распахнутом халате, похожий на маленького безумца, босиком метался по залу:

— Я пойду к нему!

Чжу Чучу бежала следом с обувью:

— Ваше Величество, наденьте обувь, простудитесь, Девятитысячелетний будет волноваться!

Она служила недолго, но быстро поняла: слабое место Цзун Яня — это Девятитысячелетний. Цзун Янь остановился и выхватил у нее туфли:

— Сам надену!

— Ваше Величество, сотник Цзиньивэй Хань Ци просит аудиенции.

Цзун Янь обулся и раздраженно бросил:

— Не хочу его видеть!

— Ваше Величество, вы забыли, что обещали господину прошлой ночью? — напомнила Чжу Чучу.

Цзун Янь одарил ее свирепым взглядом, отчего она испуганно закусила губу. Характер у императора был ужасный, ни в какое сравнение с нежностью господина.

— Зовите, зовите! Пусть входит! — буркнул Цзун Янь.

Хань Ци наконец стоял перед своим младшим братом, но не мог открыть правду. Его сердце сжалось от боли, и он хрипло произнес:

— Подчиненный приветствует Ваше Величество.

Цзун Янь даже не взглянул на него. Сидя на кушетке, он позволял Чжу Чучу поправлять пояс, продолжая ворчать:

— Маленький Линь слишком слаб, а те псы из академии — никчемные рабы, лучше бы их всех перебить.

Слыша, как Цзун Янь привязан к этому еврею, Хань Ци помрачнел. Наконец, приведя себя в порядок, Цзун Янь соизволил посмотреть на Хань Ци. Тот стоял на коленях, и в поле его зрения покачивались изящные сапоги с вышитыми драконами — император вел себя как ребенок.

Цзун Янь сложил руки за спиной:

— Раз уж Маленький Линь велел тебе учить, учи. Если плохо научишь — голову с плеч сниму.

Евнух вырастил Цзун Яня таким взбалмошным, что и следа не осталось от достоинства государя. Хань Ци сгорал от негодования, но, подавив эмоции, низко склонил голову:

— Слушаюсь.

Чуть позже пришел Ян Цяньи. Пока Цзун Янь завтракал, Ян Цяньи беседовал с Хань Ци у входа. Будучи человеком из знатного рода, он был учтив, не имел предубеждений против Цзиньивэй и улыбочиво разговаривал с Хань Ци. Тот был немногословен, лишь кивал в ответ.

Примерно к десяти часам утра начались занятия. Ян Цяньи уже понял, как действовать, и перед началом поставил условие:

— Ваше Величество, Девятитысячелетний просил меня каждый день докладывать ему о ваших успехах.

Цзун Янь, который хотел увильнуть от учебы, замер.

Ян Цяньи улыбнулся:

— Ваше Величество, не разочаровывайте Девятитысячелетнего.

Цзун Янь подумал: «Старый хрыч, какой же он вредный».

Во время занятий Хань Ци выступал в роли сопровождающего, а Чжу Чучу слушала внимательнее самого императора. Соглядатай-евнух, наблюдавший за ними, побежал докладывать Лэтяню. Тот, продолжая изнывать от скуки за чтением донесений, вдруг сказал:

— Пусть Чучу тоже учится.

Евнух опешил, округлив глаза:

— А?

Лэтянь поднял взгляд, и евнух, испугавшись, побледнел:

— Слушаюсь, сейчас же передам!

— Мальчики учатся, и девочки должны учиться! — с пафосом подумал Лэтянь. — Мы будем следовать принципу: нет никакой разницы между сыном и дочерью!

Система: «Звучит так, будто это твои дети...»

Еле пережив утренние занятия, Цзун Янь выбился из сил. Ян Цяньи задал домашнее задание. Цзун Янь, уже не такой дерзкий, как при первой встрече, даже начал заикаться:

— Э-это... завтра сдавать?

Ян Цяньи улыбнулся:

— Да, Ваше Величество. Уверен, с вашим умом это сущий пустяк.

Цзун Янь не мог возразить — он ведь считал себя гением — и с унылым видом согласился.

Чжу Чучу прошептала:

— Ваше Величество, не волнуйтесь, я помогу.

Цзун Янь закатил глаза: даже он, гений, считал задание сложным, куда уж этой неуклюжей девчонке.

— Бестолочь.

— Пойду к Маленькому Линю, — не выдержал Цзун Янь и приказал накрыть обед в покоях Линь Лэтяня.

Хань Ци попытался преградить путь:

— Лекарь сказал, Девятитысячелетнему нужен покой, его нельзя беспокоить.

Цзун Янь засомневался и серьезно спросил:

— Правда?

— Правда. Если не верите, спросите судью Чжана.

Цзун Янь понурился:

— Всё из-за меня. Если бы Маленький Линь тогда не спас меня, он не был бы таким слабым.

Все во дворце знали историю о том, как Линь Лэтянь «героически спас» императора. Чжу Чучу, которую Лэтянь планировал сделать своей фавориткой, была в этом убеждена. Она прослезилась:

— Девятитысячелетний так сильно любит Ваше Величество.

Цзун Янь кивнул:

— В целом мире не найти никого, кто любил бы меня так, как Маленький Линь.

Двое детей пришли к согласию. Цзун Янь взял Чжу Чучу за руку:

— Пойдем, пообедаем, а к Маленькому Линю ходим, когда он поправится.

Хань Ци, стоявший рядом, чувствовал, как внутри него разгорается пламя гнева.

Евнух подал Хань Ци знак, и тот бесшумно удалился — пора было идти менять повязку Лэтяню.

Заметив, что суровый сотник Цзиньвэй вдруг улыбнулся — тепло и красиво, — евнух опешил. Хань Ци мягко произнес:

— Чего же мы ждем? Пошли.

<http://bllate.org/book/25371/3024913>